

служителю одним прикосновением и молитвами возвращать зрение слепым от рождения, хромым – употребление ног, чахоточным – здоровье, глухим – слух, немым – язык и приводить в состояние здоровья, что было тем удивительнее, чем здоровье было прежде хуже.

Правда, восточная церковь не имела счастья быть освобожденной вследствие того похода, но зато небесная церковь переполнилась душами благочестивых и могла о том веселиться. Если же при этом случас Богу было угодно исторгнуть не тела восточных христиан из рук неверных, но души западных христиан из власти греха, то кто осмелится спросить: «Почему, Господи, ты действовал так, а не иначе?» Какой благо-разумный человек не огорчится более несчастьем тех, которые впади в прежний грех или даже в больший того, который был ими содеян прежде, нежели смертью других, которые предали свой дух Христу после многих страданий и после вкушения плодов покаяния? Пусть египтяне, пусть дети мрака, не способные ни видеть, ни понимать истины, говорят: «Он счастливо извел их из Египта, чтобы погубить в пустыне» (Исх., 32, 12). Христос, наш Спаситель, терпеливо переносит такую хулу, вознаграждаемую вполне спасением многого числа душ. Наш преподобный отец (Бернард) имел в виду те слова Писания, когда, между прочим, говорил: «Если неизбежно одно из двух: чтобы роптали на Бога или на меня, то я предпочитаю, чтобы такой ропот обрушился скорее на меня, нежели на Господа. Я сочту своим счастьем, если Бог удостоит сделать из меня щит для прикрытия себя. Охотно приму на себя удары раздражающего языка клеветы и ядовитые язвы богохульства, если только буду в состоянии тем самым не допустить их до Всевышнего. Я не боюсь быть униженным, лишь бы осталась неприкосновенной его слава». Это те самые слова, которыми Бернард выражается во второй книге своего произведения «О размышлении». Между тем, в то время, когда распространился в Галлии первый слух о плачевной участи предпринявших поход, какой-то отец представил служителю Божьему слепого сына для возвращения ему зрения и усил

силой убеждения отратить его отказ. Святой муж, возложив руки на ребенка, просил Бога о том, чтобы, если Бернард действительно слышал его голос во время своей проповеди похода и если он был вдохновлен святым Духом, когда говорил о том, то пусть Всевышний докажет то, возвратив зрение слепому. Когда, после такой молитвы ожидали ее последствий, ребенок воскликнул: «Что это такое значит: я вижу теперь?» Все присутствовавшие подняли громкие клики; при этом были не только духовные лица, но и миряне, которые, удивившись в том, что ребенок видит, получили великое утешение и принесли Богу дань благодарности.

Я верю также и в то, как заметят иные и как Бернард сам возвестил, что на той самой неделе, когда блаженная душа Божьего человека освободилась от телесных уз (1153 г.), церковь Иерусалимская получила великое утешение от Божественного милосердия. Именно тогда был взят Аскалон, это укрепленное место, отстоявшее недалеко от святого города и угрожавшее ему опасностью. Христиане, утомленные осадой крепости, продолжавшейся 50 дней и более, не имели никакого успеха; а потому взятие города могло быть результатом не усилия рук человеческих, но божественного могущества, под ударами которого он пал. При этом кстати будет поместить здесь собственные слова Бернарда, которые он писал в том же году одному знаменитому рыцарю ордена Храма, своему дяде, бывшему в то время только на службе, а ныне Великому магистру ордена Храма (тамплиеров): «Горе нашим князьям, – говорил он, – они не сделали ничего хорошего в Господней земле, и в своих землях, куда они поспешно возвратились, обнаружили непреодолимую злобу, не умея сострадать бедствиям Иосифа. Однако я надеюсь, что Господь не отвергнет свой народ и не оставит своего наследия. Но что я говорю! Десница Божья будет силой того народа и рука его доставит ему помощь, дабы все познали, что лучше возлагать надежды на Всевышнего, чем на сильных земли». Впрочем, довольно об этом предмете.